

К IX Международному съезду славистов было выпущено в свет превосходное издание древнерусского текста Мстиславова евангелия, созданного на рубеже XI—XII веков. В отличие от других изданий древнерусских текстов, подготовленных Институтом русского языка, этот обширный древний текст впервые издан набором кириллицы с передачей важных для исследования данного текста графических особенностей рукописи, например, йотированных букв *ѣ*, *ѡ* и букв «с отворотиками» (как *и*), которые писец Мстиславова ев. употреблял для обозначения рефлексов праславянских сочетаний с *j*. Выбор вариантов букв, воспроизводимых в издании, был определен Л. П. Жуковской в результате проведенного ею исследования системы письма рукописи. По техническим причинам не воспроизведены или воспроизведены условно (в конце строк в виде точек над согласными) надстрочные знаки, что лишь отчасти восполняется описанием их значения и упоминаниями (с. 20—24) и отдельными замечаниями о технике их выполнения, оставленными в примечаниях к тексту.

Рукопись воспроизводится с разделением на слова, сохранением написания слов под титлами и развертыванием лигатур. В текст внесена разметка глав и стихов. Кроме примечаний к тексту, научный аппарат издания содержит вводную статью, в которой сообщаются сведения о заказчике и его эпохе, дается кодикологическое и палеографическое описание рукописи, сведения о ее письме и языке, а также принципы воспроизведения текста и его комментирования. К изданию приложены перечни-таблицы чтений и текстов. Текст рукописи, примечания, вводная статья и таблицы подготовлены Л. П. Жуковской. Книга содержит также три словоуказателя, составленные Л. А. Владимировой и Н. П. Панкратовой: Указатель слов и форм основного текста памятника, Указатель к заголовкам чтений и сокращениям Месяцеслова (т. е. текстам справочного характера, содержащимся в рукописи) и Указатель слов и форм к записям лиц, создававших рукопись.

В конце книги в качестве приложения приводятся отрывки текстов из Милитина ев. XII в. (ГПБ Соф. 7) и Добрилова ев. 1164 г. (ГБЛ ф. 256, № 103), представляющих другой тип полного апракоса.

Между 16 и 17 страницами включены отлично выполненные фотографии шестнадцати листов рукописи. Они позволяют судить о мастерстве художника XI века — Жадена, — выходящего не только заставки, но и каждый инициал как целостное произведение искусства. Каждая фотография выполнена с миллиметровой линейкой, что позволяет представить истинные размеры издаваемого кодекса и соотношение компонентов, расположенных на листе. Фотографии дают возможность познакомиться с палеографическими особенностями рукописи

и отчасти системой ее диакритики, не воспроизведенной в изданном тексте.

Вводная статья содержит важные сведения о времени и условиях создания памятника, которые в значительной мере определили его значение в истории культуры, письменности и языка Древней Руси. Рукопись была создана по заказу сына Владимира Мономаха князя Мстислава Великого (1076—1132), который известен как крупный полководец (с его именем связан последний успешный этап общерусской борьбы против половцев), реалистичный правитель и градостроитель, заслуживший авторитет и любовь новгородцев, по воле которых он с 1095 г. княжил в Новгороде. Апракос был написан по заказу Мстислава для первой построенной им в Новгороде церкви Благовещения на Городище (согласно данным летописей, это 1099 или 1103 гг.): «...дата построения церкви может быть нижней датой при определении времени написания Мст. Верхний рубеж определяется концом княжения Мстислава в Новгороде. Это — 1117 г.» (с. 5).

Вопрос о месте написания рукописи, по мнению автора введения, не может в настоящее время быть решен однозначно, однако, вслед за своими предшественниками, он полагает, что основной писец не мог быть новгородцем, а скорее был киевлянином: «в языке: отсутствие цоканья, начавшееся падение редуцированных в слабой позиции, различение в собственном произношении трех степеней твердости — мягкости согласных, которое легче предполагать в языке писца киевлянина, так как в украинском языке и диалектах исконно немягкие согласные перед гласными переднего ряда и до сих пор полумягки...» (с. 6).

Мстиславово ев. — это третий по древности из дошедших до нас евангельский текст в древнерусской письменности (после Остромирова 1056—57 г. и Архангельского — 1092 г. евангелий) и самый древний из сохранившихся полных апракосов, а кроме того и самый полный по составу чтений и полностью воспроизводимых текстов в Месяцеслове. Это очень важно для текстологического исследования полных апракосов. Не случайно он избран эталоном в классификации полных апракосов [1, с. 129—207]. Наличие большого числа повторяющихся чтений, которые читатель может легко обнаружить благодаря приложенным таблицам (с. 496—523), делает рукопись превосходным источником для выявления разных языковых пластов и древнерусской специфики рукописи. Подобное исследование было проведено Л. П. Жуковской в уже названной книге [1], где в повторяющихся чтениях Мстиславова ев. всего лишь в тексте Мт. XXIV 42—43 она обнаружила 11 случаев различий в орфографии, фонетике, грамматике, лексике и словообразовании, справедливо трактуя их как «проявление воли писцов, их сознательное или не вполне осознанное стремление выразить тот же смысл (т. е. передать тот же текст) более

понятными или более свойственными этому писцу языковыми средствами» [1, с. 131], Древнерусские черты представлены в рукописи столь богато, что автор не без основания полагает, что рукопись не имела близкого южнославянского протографа. Этим определяется огромное значение памятника для истории восточнославянских языков, а также изучения проблемы взаимного влияния с южнославянскими языками. Старейшие южнославянские полные апракосы — Вуканово и Мисроставово ев. относятся к концу XII века, т. е. от Мстиславова ев. их отделяет почти столетие. Этим определяется важная роль Мстиславова ев. для истории славянского полного апракоса.

Мстиславово ев. — лицевая рукопись, богато орнаментированная, содержащая миниатюры четырех евангелистов и оправленная в драгоценный оклад. Поэтому рукопись практически была недоступна для работы современных исследователей. Тем более важно ее издание.

В главе «Кодикологическое и палеографическое описание» приводятся сведения об объеме рукописи (213 пронумерованных листов и 6 не пронумерованных. Пагинация XIX века), количестве тетрадей (27), прослеживается характер средневековой потетрадной нумерации, начертания букв которой существенно отличаются от начертаний в основном тексте (состав тетрадей и их нумерация представлены таблицей), специально исследуется вопрос о составе девятой тетради, которая содержит незаполненные текстом листы, и на основе кодикологического анализа выдвигается гипотеза — «отсутствие прямой последовательности в заполнении текстом 9-й тетради» (с. 8), которая затем проверяется «путем текстологического исследования п а м я т н и к а и палеографического анализа рукописи» (с. 8). В результате этого анализа Л. П. Жуковской удается выделить до сих пор не отмечавшийся почерк второго — анонимного писца. На прекрасно выполненных фотографиях рукописи этот почерк иллюстрируется на рисунках 5 и 7 параллельно с почерком основного писца Алексы. Описание различий этих почерков дано на с. 9. Девятая тетрадь представляет исключение и в том отношении, что «черед написанными вторым писцом чтениями на субботу и воскресенье 17-й недели отсутствуют чтения на пять будних дней этой недели». Это единственное место, где нарушается полнота апракоса и пропуск чтений не мотивирован отсылками. Видимо, предполагает автор, этих чтений не было в оригинале, которым пользовался Алекса, он оставил место в рукописи и послал ее в другой, авторитетный, скрипторий, полагая, что там найдется недостающий текст, однако и там его не оказалось, а анонимный писец вписал имеющиеся чтения на субботу и воскресенье. Таким образом и оказались в рукописи незаполненные листы. Автор главы заключает, что эти чтения в древнерусской книжности в то время еще не были установлены. Так уточняется история чтений полного апракоса в древне-

русской письменности. Излагая историю изучения рукописи (главным образом, искусствоведами), Л. П. Жуковская вносит некоторые коррективы в историю создания оклада.

В разделе, посвященном палеографии, графике и некоторым вопросам орфографии, рассматривается состав и начертания букв, устанавливается отсутствие орфографического противопоставления узких и широких букв (е, о, с), отмечаются особенности употребления буквенных знаков, имеющие значение для истории древнерусской орфографии, описываются лигатуры, декоративное написание букв. В качестве иллюстраций даются ссылки на листы, столбцы и строчки приведенных в книге фотокопий листов рукописи.

Анализируя фонетические особенности языка рукописи, Л. П. Жуковская отмечает, что средством обозначения мягкости служили писцу не только йотированные буквы (ю, е, я) или особые варианты написания согласных букв с «отворотиками справа вверх», но также постановка «надстрочного знака над слогом, имеющим этимологически мягкий согласный, восходящий к сочетаниям с *j» (с. 24). Автор описывает различное начертание надстрочных знаков и замечает, что значение их и место употребления не связано с формой знака (с. 23). Помимо обозначения мягкости согласных (причем надстрочный знак часто дублирует показатель мягкости), надстрочные знаки имеют еще графико-орфографическое значение — употребление над гласными, они помогают словodelению и слогоделению при чтении. Иногда по техническим причинам надстрочный знак пропускается (хвост стоящей на предыдущей строке буквы, титло). Иногда писец ставит один знак вместо двух над двумя соседними буквами, тогда знак выполняет двойную функцию (с. 24). Важная для фонетики функция надстрочных знаков состоит, по мнению автора, в обозначении ими вторичного редуцированного при явлении второго полногласия. В Мстиславовом ев. последовательно проводится принцип заканчивать строку гласной буквой. Из 20, примерно, тысяч строк только 50 по разным причинам заканчиваются на согласный. Если в конце строки оказывается сочетание редуцированного с плавным, то над плавным обязательно стоит надстрочный знак (например, почръ | пѣте, цѣрь | къви и т. п.), в котором автор видит указание на наличие слогораздела после плавного. В заключение Л. П. Жуковская отмечает полисемантность знаков и независимость их значения от начертания. Перечислив другие важные фонетические явления древнерусского языка, отраженные в рукописи, автор называет некоторые проблемы истории русского языка, которые требуют пересмотра в свете данных Мстиславова ев., и вопросы, для решения которых данный памятник может дать материал, и заключает, что «читатель найдет в Мст. материале почти по всем вопросам исторической грамматики и истории литературного языка» (с. 26).

К изданию приложены три указателя, которые в отличие от основного текста

воспроизведены офсетной печатью. Вводная часть к указателям, набранная высокой печатью, к сожалению, как-то странно воспроизводит древнерусские примеры: то кириллицей, то обычным шрифтом с воспроизведением отдельных кириллических букв, то с приблизительным воспроизведением этих букв, например, *i* десятиричное с одной точкой, вместо двух в кириллице. Представляется, что пять страниц текста в таком великолепном издании могли бы быть набраны единообразным набором примеров или также офсетным способом, как и сами указатели.

Создание трех указателей к тексту памятника оправдано тем, что они имеют разное содержание и оформление. Указатель к основному тексту приводит слова с грамматическими пометами и сигнатурами, включающими указание не только на лист, столбец и строку, где находится данный пример в издаваемой рукописи, но кроме того при знаменательных словах указывает евангелиста, главу и стих, например: алкаиѣмъ сущ. ср. ед. тв. 50г 14 Мг.XVII 21. Последнее указание придает словоуказателю универсальный характер, дает возможность легко отыскивать соответствия данным словам в других евангельских текстах, без обращения к тексту данного издания. Таблицы чтений евангелистов, приведенные в конце книги, позволяют быстро ориентироваться, к какому дню относится данное чтение в апракосах. Например, Мг. XVII 21 читается в воскресенье 10-й недели по пятидесятнице. Создание этих таблиц (от содержания к назначению) — полезное нововведение издателей данного памятника, отличающее их от указателя чтений, составленного И. Враной к изданному им Вуканову евангелию.

Указатель к чтениям Месяцеслова, избилующий сокращениями, не содержит грамматических помет за исключением помет к словам-омонимам.

Указатель к записям, сделанным писцами, содержит грамматические пометы, но, естественно, не имеет указаний на главы Евангелия.

В словоуказателе фиксируется только материал рукописи, поэтому заглавная форма не реконструируется, а приводится первая словоформа, встретившаяся в рукописи, в соответствии с принятой схемой расположения грамматических форм в статье.

Известным недостатком данного словоуказателя является отсутствие греческих соответствий, которые помогли бы уточнению значений слов. Правда, издатели приводят определение значений в особенно трудных случаях (например, в случаях омонимов). Приведение в одной статье всех графико-орфографических вариантов одного слова также помогает определению семантики слов, имеющих «трудное» написание в древней рукописи. Греческие соответствия не приводятся даже в тех случаях, когда в данном контексте форма может трактоваться двояко, а также в случаях порчи текста. Нам представляется это серьезным упущением, приводящим к ненужным догадкам (см. с. 285: «Некоторые словоформы могут быть поняты неоднозначно...»).

Вызывает сомнение принятое авторами решение писать отдельно частицу *же* в косвенных падежах относительных местоимений (при том, что их заглавные формы *иже*, *кже*, *къ* пишутся слитно). Нам представляется, что местоимения и наречия, которые без частицы *же* не употребляются, например, *никтоже*, *ничтоже* и т. п., могли бы сохранять слитное написание.

К сожалению, Институт русского языка в своих изданиях памятников древнерусской письменности отказался от славянской старейшей традиции издавать рукописи с разночтениями. Разночтения могли приводиться по более ранним и более поздним, восточнославянским и южнославянским спискам, спискам, восходящим к разным редакциям, разным диалектным областям. Выбор рукописей для разночтений и установление их характера определяются особенностями издаваемого памятника и целями издания. Во всех случаях это введение в широкий научный обиход новых материалов, позволяющих вместе с тем полнее охарактеризовать особенности издаваемой рукописи и ее место в ряду других списков данного памятника. Разночтения не входят в научный аппарат и данного издания. Между тем уже беглое сопоставление (по изданию Б. Цонева «Врачанское евангелие» и приводимым им разночтениям) начала текста с южнославянскими евангелиями (Ассеманиевым и Врачанским) и Остромировым евангелием показывает поразительную текстуальную близость начала Мстиславова ев. с Остромировым, в отличие от южнославянских. Предположение Л. П. Жуковской, сделанное на основе лингвистического анализа, о том, что Мстиславово ев. не имело близкого южнославянского протографа, могло быть проверено путем подобных сопоставлений. Разночтения не только могут многое дать будущим исследователям, но в какой-то мере быть полезны и самим издателям, так как являются лишним критерием для правильного прочтения текста и интерпретации грамматических форм. Так, например, авторами допущена ошибка в интерпретации формы личного местоимения *насъ* в предложении; и не въведи *насъ* въ искушение..., которая рассматривается как форма родительного пад., употребленная в значении винительного, т. е. как новая форма винительного падежа (с. 295), в то время как это родительный при отрицании. Если бы было сопоставление с каким-либо древним старославянским кодексом, подобной трактовки могло не возникнуть.

При всем том, что издаваемый текст хорошо отражает многие восточнославянские особенности, он несомненно сохраняет и южнославянизмы, восходящие к древнеболгарскому протографу, выпадающие из системы древнерусского языка, которые могут быть выявлены при сопоставлении с южнославянскими текстами. Так, например, в словоуказателе отсутствует предлог *въз*, употребленный в чтении И.1, 16; мы вси въсприяхомъ блг(д)ъ въз благодать л. 2в строка 13—14, где в текст ошибочно вкралось слитное написание *възблагодать*, которое попало и в словоуказатель как имя существительное

на букву *В*. Обращение к изданным Ассеманиеву или Врачанскому евангелиям могло предотвратить подобную ошибку.

В издании обобщены широкие и узкие варианты букв *о*, *е*, *с*. Читатель должен принять на веру, что эти варианты не имеют орфографического противопоставления. Однако в рукописи преобладает *е* узкое, а *е* широкое встречается очень редко. Видимо, небрежностью объясняется то обстоятельство, что для передачи обобщенного варианта в издании выбрано *е* широкое. Недостатком примечаний, на наш взгляд, является отсутствие комментирования широких и узких вариантов букв, не воспроизведенных в издании.

Диакритика текста полностью воспроизведена в качестве примера на л. 82а, кроме того, последовательно на концах строк в виде точек обозначены надстрочные знаки. В других местах надстрочные знаки не проставлены, однако замечания об особенностях написания отдельных из них не сняты из примечаний, а так как там не всегда указано место (номер буквы), к которой относится комментируемый знак, комментарий часто оказывается малоинформативным. Нам представляется, что отказ от воспроизведения надстрочных знаков не должен был распространяться на знаки над согласными, обозначающие мягкость или пропуск редуцированного, так как эти знаки непосредственно связаны с фонетической системой рукописи. В данном случае нарушение принципа «все или ничего», о котором пишет Е. И. Демина как об обязательном принципе лингвистического издания рукописей [2], является серьезным упущением в издании Мстислава ев. В примечаниях не комментируются размеры букв в рукописи, а так как заголовки набраны таким же шрифтом, как и весь текст (в рукописи они написаны более мелкими буквами), то иногда их трудно сразу обнаружить. Например, в столбце 30в (Мт. VII) заголовок идет сразу за стихом 14, а так как далее следует продолжение текста — стих 15 той же главы, публикатор не повторяет на полях евангелиста и главу, что создает известные неудобства.

Можно указать некоторые недосмотры, например, в палеографическом описании (с. 15) сказано, что буква *ψ* (пси) употребляется только в числовом значении, а указатель приводит слова, начинающиеся на эту букву (*ψи*, *ψомь*, *ψлмѣхъ*).

Все эти замечания не умаляют огромного значения выполненного издателями труда, который, несомненно, является серьезным вкладом в славистику. Можно только сожалеть, что тираж этого издания столь невелик (730 экз.), что его едва ли смогут приобрести все научные работники, занимающиеся данной проблематикой, не говоря уже о преподавателях вузов. А между тем данное издание предполагает и практическое применение. В качестве приложения в конце книги приводятся отрывки текстов севернорусского и галицко-волинского полных апракосов, в которых представлена другая диа-

лектная основа: «конкретное содержание публикуемых отрывков совпадает с вузовскими хрестоматийными текстами, изучаемыми в курсе старославянского языка» (с. 524). Тем самым представляется возможность непосредственного сопоставления древнерусских и старославянских языковых фактов в процессе обучения студентов.

Издание могло бы стать основой огромного количества исследований по истории русского языка, проводимых не только научными работниками, но также аспирантами и студентами университетов и пединститутов. Возможная проблематика таких исследований указывается в самом издании (с. 26).

Предварительные исследования Мстислава ев. позволяют очертить круг проблем, которые могут быть по-новому освещены в истории древнерусского языка, например, такой важнейший фонетический процесс, как падение редуцированных и связанные с ним явления, вопросы построения слога, сочетания редуцированных с плавными, проблема твердости-мягкости согласных и другие вопросы исторической фонетики, характеризующие специфику древнерусского языка — общего предка трех современных восточнославянских языков: русского, украинского и белорусского. Проведенное Л. П. Жуковской исследование повторяющихся чтений [1, с. 129—207] показало, какой богатый материал дает Мстиславо ев. для изучения лексики, словообразования, синтаксиса частей речи, предложного и беспредложного управления, причастных оборотов и подчиненных предложений, порядка слов, прямой и косвенной речи, глагольного вида и глагольных времен, адъективизации причастий, субстантивации прилагательных и многих других вопросов древнерусского литературного языка. Нет сомнения в том, что это издание имеет большое значение для развития славистических исследований. Совершенно необходим дополнительный тираж, чтобы этот уникальный и столь необходимый для науки памятник, едва увидев свет, не стал библиографической редкостью. Весьма желательна также подготовка факсимильного издания этой рукописи, которое восполнит недостатки, обусловленные спецификой наборного издания, и даст возможность изучения орнаментики и художественного оформления рукописной книги.

Чешко Е. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.
2. Демина Е. И. О лингвистическом издании памятников письменности. — В кн.: Славянский архив. Сборник статей и материалов. М., 1963, с. 201.